

П. А. Кропоткин

Речи бунтовщика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. А. Кропоткин**
Речи бунтовщика / П. А. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
156 с.

ISBN 978-5-458-54767-3

ISBN 978-5-458-54767-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

боду труда—и отдали насъ въ кабалу фабрикъ и хозяйну. Они взяли за организацію промышленности, судили намъ благосостояніе—и дали безконечные кризисы и нищету. Обѣщали просвѣтить насъ—и лишили возможности получать образованіе; обѣщали политическую свободу—и волокли отъ реакціи къ реакціи; обѣщали миръ—и привели къ войнѣ, къ войнамъ безъ конца!

Вотъ все, что они сдѣлали для насъ.

Народъ усталъ; онъ изнемогаетъ, онъ спрашиваетъ себя, до чего довело его управленіе вѣчно издѣвающейся надъ нимъ буржуазіи.

Отвѣтомъ ему служить современное экономическое положеніе Европы.

Кризисъ сталъ бѣдствіемъ хроническимъ. Кризисъ хлопчатобумажный, кризисъ металлургическій, всѣ кризисы разражаются сразу, чередуются непрерывно.

Милліонами исчисляется сейчасъ количество рабочихъ, оставшихся безъ работы; десятки тысячъ ходятъ изъ города въ городъ, прося подавниіи или требуя съ угрозами работы или хлѣба. Какъ въ 1787 году крестьяне бродили по дорогамъ Франціи, не находя въ этой плодородной странѣ клочка земли для обработки, такъ теперь рабочіе остаются съ пустыми руками, не находя матеріаловъ и орудій, необходимыхъ для производства захваченныхъ горестью бездѣльниковъ. Богатые промысла внезапно гибнутъ; большіе города, какъ Шеффилдъ, становятся безплодными. Нищета въ Англіи, гдѣ «экономисты» такъ старательно примѣняли свои принципы, нищета въ Эльзасѣ; голодъ въ Италіи, голодъ въ Испаніи; безработица повсюду, а съ безработицею нужда, вѣрнѣе нищета: посинѣлыя дѣти, женщины, состарившіяся къ концу зимы на пять лѣтъ, болѣзни, косящія цѣлые ряды рабочихъ. Вотъ до чего довела насъ ихъ режимъ.

И они намъ говорятъ о перепроизводствѣ! Перепроизводство? Когда рудокопъ, собирающій груды каменнаго угля, не имѣетъ топлива въ самую суровую зиму? Когда ткачъ, вырабатывающій километры матеріи, принужденъ отказывать въ рубашкѣ своимъ оборваннымъ дѣтямъ? Когда каменщикъ, воздвигающій дворцы, живетъ въ конурѣ, а мастерницѣ, изготовляющей роскошные наряды кукламъ, нечѣмъ покрыться въ стужу?

Это-ли они называютъ организаціей промышленности? Это, вѣрнѣе, тайный союзъ капиталистовъ для порабоженія рабочихъ.

Капиталь, этотъ продуктъ труда человеческого, не долженъ быть употребленъ, говорятъ они, на земледѣліе и промышленность, какъ на предпріятія слишкомъ рискованныя.

Но гдѣ онъ находитъ себѣ болѣе выгодное помѣщеніе? Куда направляется онъ по выходѣ изъ нестерпаемыхъ шкафовъ? Куда? Онъ идетъ на омеблровку гаремовъ султановъ, на веденіе войнъ, на поддержку русскихъ противъ турокъ и въ то же время турокъ противъ русскихъ. Употребляется онъ на учрежденіе акціонерныхъ обществъ.

основанных не для производства чего бы то ни было, а имѣющихъ целью черезъ какіе-нибудь два-три года кончить грандіознымъ крахомъ, конечно, послѣ того, какъ тузы-основатели удалились, унося съ собою милліоны — плата за инициативу.

Пойдетъ онъ также на постройку никому ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сень-Готардъ, въ Японію или даже въ Сахаръ — лишь бы Ротшильды, инженеръ и подрядчикъ нажили на этомъ предпріятіи по нѣсколько милліоновъ.

Но, главнымъ образомъ, капиталъ идетъ на азіотажъ: на игру на биржѣ. Капиталистъ будетъ спекулировать на искусственномъ повышеніи дѣлъ на хлѣбъ и на хлопокъ; онъ будетъ спекулировать на политикахъ, на повышеніи государственныхъ бумагъ, вслѣдствіе ложно сообщеннаго слуха о различныхъ реформахъ или дипломатическихъ переговорахъ; и, большею частью, агенты самого государства будутъ наживаться на этихъ спекуліаціяхъ. Азіотажъ, убивающій промышленность, вотъ настоящее положеніе. вотъ что они называютъ разумнымъ веденіемъ дѣла. Вотъ для чего мы должны, какъ они говорятъ, содержать ихъ!

Экономическій хаосъ достигъ своего апогея.

Но скоро ему настанетъ конецъ!

Народъ усталъ отъ безконечныхъ кризисовъ, вызываемыхъ алчностью и хищностью правящихъ классовъ. Онъ хочетъ жить, работая, а не влечитъ безконечные гды бѣдствія и нищеты, принимая унижительныя податки и имѣя впереди какихъ-нибудь два-три года, больше или меньше обезпеченнаго, изнурительнаго труда, всегда нищенски оплачиваемаго.

Рабочій убѣдился въ несостоятельности правящихъ классовъ; онъ знаетъ, что эти дряхлые старики не способны понять его стремленій къ новой жизни, не способны въ то же время сами организовать промышленность, производство и обменъ. Народъ въ скоромъ будущемъ произнесетъ приговоръ надъ буржуазіей и лишитъ ее правъ. Онъ самъ возьмется за свои дѣла, какъ только наступитъ благоприятный моментъ. Моментъ этотъ не заставитъ себя долго ждать. Его приближенію способствуютъ какъ бѣдствія, подрывающія промышленность, такъ и полное разложеніе государствъ, разложеніе, происходящее на нашихъ глазахъ съ головокружительной быстротой.

Разложеніе государствъ.

Если экономическое положеніе Европы можетъ быть сформулировано словами: промышленный и коммерческій хаосъ и несостоятельность капиталистическаго производства, — то политическое состояніе должно быть охарактеризовано такъ: быстрое разложеніе и близкій крахъ всѣхъ государствъ.

Дѣйствительно, всѣ они, отъ жандармскаго самодержавія Рос-

сип до буржуазной олигархіи Швейцаріи, большими шагами идутъ къ разложенію и, слѣдовательно, къ революціи.

Дряхлые старики съ морщинами на челѣ, съ дрожащей поступью. извѣденные конституционными болѣзнями, неспособные приспособиться къ новымъ потокамъ жизни, они безцѣльно растрачиваютъ жалкій остатокъ своихъ силъ на взаимную вражду, на защиту отжившихъ предразсудковъ, и этимъ ускоряютъ свою гибель.

Неизлѣчимая болѣзнь — болѣзнь старости и разложенія — погложетъ ихъ.

Достигнувъ въ XVIII вѣкѣ кульминаціоннаго пункта своего развитія, старыя государства Европы вступили теперь въ фазу упадка. Государство—организация, въ которой всѣми членами и всѣми дѣлами управляютъ нѣсколько человекъ, отжило свой вѣкъ. Человѣчество вырабатываетъ уже новыя формы общественной жизни. Народъ стремится къ разрушенію власти, препятствующей его свободному развитію. Онъ хочетъ автономіи провинцій, коммунъ, рабочихъ союзовъ, основанныхъ на взаимномъ добровольномъ соглашеніи, а не на предписанныхъ властью законахъ.

Вотъ та историческая фаза, въ которую мы уже вступили.

Если-бы правящіе классы могли только понять современное положеніе общества, они, конечно, постѣили-бы стать впередъ всѣхъ новыхъ стремленій. Но, прожившіе всю жизнь по старымъ традиціямъ, не зная иного культа, кромѣ культа золотого мѣшка, они всѣми силами противятся наплыву новыхъ идей и этимъ самымъ неизбежно ведутъ насъ къ бурному потрясенію. Народъ предъявить свои требованія подъ громъ пушекъ, подъ трескъ картечи, при заревѣ пожаровъ.

Когда послѣ паденія средневѣковыхъ учрежденій, народились въ Европѣ новыя государства, они должны были завѣдывать лишь небольшимъ кругомъ общественныхъ дѣлъ. Теперь же государство вмѣшивается положительно во всѣ проявленія нашей жизни. Отъ колыбели до могилы мы все время въ его тискахъ. Будь то центральное государство, автономныя провинціи или кантоны, общинное государство, оно преслѣдуетъ насъ повсюду, палагаетъ на насъ свои цѣли, предписываетъ намъ свои законы.

Оно создаетъ цѣлыя груды этихъ законовъ и предписаній, разобратся въ которыхъ не можетъ самый искусный адвокатъ. Оно каждый день прилаживаетъ что-нибудь новое къ старой машинѣ и создаетъ сооруженіе настолько сложное, дикое и нелѣпое, что имъ начинаютъ возмущаться сами его заправители. Оно содержитъ цѣлую армию чиновниковъ, пауковъ-взяточниковъ, смотрящихъ на міръ сквозь грязныя стекла своихъ канцелярій, теряющихъ здравый смыслъ среди безконечной путаницы канцелярскихъ бумагъ.

Это—шайка, имѣющая одну религію—религію мѣднаго гроша, одну заботу—скорѣе примкнуть къ той партіи, будь она черная, лиловая или бѣлая, которая гарантируетъ максимумъ оклада при минимумѣ работы.

Результаты—намъ слишкомъ хорошо извѣстны.

Есть-ли хоть одна отрасль государственной дѣятельности, которою бы не возмущались всѣ, имѣющіе къ ней прикосновеніе, хоть одна отрасль, въ которой государство, послѣ многихъ вѣковъ существованія и работы, не показало-бы полной своей несостоятельности?

Громадныхъ, все растущихъ суммъ, взимаемыхъ съ народа государствомъ, не хватаетъ на удовлетвореніе его нуждъ. Оно всегда живетъ на счетъ будущихъ поколѣній.

Государственные долги Европы достигли сейчасъ неимоверной цифры, больше ста миллиардовъ, — ста тысячъ миллионѣвъ франковъ. Если бы доходы всѣхъ государствъ были употреблены на погашеніе этого долга, на это не хватило бы и пятнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, государства съ каждымъ днемъ увеличиваютъ свои расходы; каждая партія, стоящая у власти, создаетъ новыя должности для своихъ кліентовъ — это неизбежно.

Такъ обстоитъ дѣло во время мира. Когда же наступаетъ пойна, государственные долги и дефициты возрастаютъ неимоверно. И этому нѣтъ конца; нѣтъ выхода изъ этого лабиринта. Государства на всѣхъ парахъ идутъ къ разоренію, къ банкротству, и не далека тотъ день, когда обнищавшій народъ откажется платить ежегодно банкірамъ четыре миллиарда процентовъ, объявить полный крахъ государствъ и пошлетъ этихъ самыхъ банкіровъ пахать землю, если имъ хочется жить.

Съ существованіемъ государства неразрывно связана необходимость войны. Государство должно быть сильнымъ, сильнѣе сосѣдей, иначе оно будетъ игрушкой въ ихъ рукахъ. Оно должно способствовать разоренію другихъ государствъ, чтобы подчинить ихъ своимъ законамъ, ввести свои торговые договоры и разбогатѣть на ихъ счетъ. Борьба за преобладаніе, основа буржуазной экономической организаціи, является въ то же время основой и политической организаціи. Вотъ почему война стала естественнымъ состояніемъ Европы. Войны прусско-датская, прусско-австрійская, франко-прусская, война на Востокѣ, въ Афганистанѣ — непрерывно слѣдуютъ одна за другой. Предвидятся еще новыя войны: Россія, Англія, Пруссія, Данія готовы сейчасъ направить другъ на друга свои войска. Причинъ для войны есть еще лѣтъ на тридцать.

А война влечетъ за собою безработицу, кризисы, увеличеніе налоговъ, нарощеніе долговъ. Кроме того, война — нравственный ударъ для государства. Послѣ каждой войны народъ убѣждается въ несостоятельности государства даже въ его прямомъ назначеніи: оно едва защищаетъ свою территорію; даже побѣдителемъ оно терпитъ большой уронъ. Вспомните только броженіе, вызванное войной 1871 года какъ во Франціи, такъ и въ Германіи; вспомните недовольство, возникшее въ Россіи по поводу войны на Востокѣ.

Войны и вооруженіе ведутъ государства къ гибели; они ускорятъ ихъ нравственный и экономическій крахъ. Еще одна, двѣ большихъ войны, и конецъ этимъ развинченнымъ машинамъ.

На ряду съ внѣшней войной — война внутренняя.

Признанное народомъ на условіи — быть защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, государство стало теперь оплотомъ богатыхъ противъ эксплуатируемыхъ, хозяевъ противъ рабочихъ.

Къ чему она, эта огромная машина, именуемая государствомъ? Препятствуетъ-ли она эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ, крестьянина помещикомъ? Обеспечиваетъ-ли намъ свободу труда? Защищаетъ-ли насъ отъ ростовщиковъ? Даетъ-ли хлѣба женщинамъ, когда она водою старается утолить голодъ ребенка, плачущаго у ея истощенной груди?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Государство покровительствуетъ эксплуатаціи, спекуляціи, частной собственности — этому продукту грабежа. Пролетарію же печего ждать отъ государства; оно всѣми силами стремится помѣшать его эмансипаціи.

Все — для паразита-хозяина; все — противъ работника-пролетарія: буржуазное воспитаніе, развращающее ребенка, внушая ему предразсудки противъ равенства; церковь, затуманившая рассудокъ женщины; законы, препятствующіе обмѣну мыслей о равенствѣ и солидарности; деньги для развращенія и подкупа апостоловъ пролетаріата; наконецъ, тюрьма и каторга въ избыткѣ для тѣхъ, кого нельзя подкупить. Вотъ что такое «государство»...

Можетъ-ли это идти такъ дальше?

Конечно, нѣтъ. Цѣлый классъ общества, самый многочисленный и единственный производящій, не можетъ вѣчно поддерживать организацію, направленную всецѣло противъ него. Вездѣ, — какъ подъ деспотическимъ игомъ Россіи, такъ и подъ лидерѣннымъ правленіемъ гамбетистовъ, — недовольный народъ возстаетъ. Исторія нашихъ дней — это исторія борьбы привилегированныхъ правителей съ угнетеннымъ народомъ, требующимъ уравниенія правъ. Эта борьба составляетъ главную заботу правителей и всецѣло руководитъ ихъ дѣйствіями. Не опредѣленные принципы, не заботы о благѣ народа кладутъ они въ основу новыхъ законовъ и распоряженій, а исключительно стремленія сохранить свои привилегіи.

Эта борьба, одна, могла бы разрушить самую прочную политическую организацію. Когда же она происходитъ въ государствахъ, идущихъ къ упадку въ силу историческихъ необходимости, когда эти государства ускорятъ сами свою гибель, разрушая другъ друга, когда они становятся ненавистными даже тѣмъ, кому они покровительствуютъ, — въ исходѣ борьбы не можетъ быть сомнѣнія. Народъ найдетъ силы, чтобы освободиться отъ своихъ притѣснителей. Гибель государствъ близка и неизбежна. Самый спокойный философъ не можетъ не видѣть зарева грандіозной революціи.

Необходимость революціи.

Есть эпохи въ жизни человѣчества, когда чувствуется необходимость грандіознаго потрясенія, катаклизма, который пробудитъ бы общество отъ его вѣковой спячки. Въ эти эпохи каждый живо, мыслящій человекъ начинаетъ сознавать, что такъ жить дальше нельзя, что должны наступить событія, которые прервутъ нить исторіи, выкинутъ человѣчество изъ колеи, въ которой оно погрязло, и поведутъ его по новымъ путямъ, къ чему-то неизвѣстному, въ поискахъ за идеаломъ. Чувствуется необходимость грандіозной, неустойчивой революціи, которая разрушитъ экономическій режимъ, основанный на эксплуатаціи, спекуляціи и обманѣ, и политическую организацію, построенную на господствѣ небольшой кучки, достигшей власти хитростью и интригами.

Эта революція обновитъ общество въ его умственной и нравственной жизни и вдохнетъ въ его мелочную, повседневную, развратную жизнь новую струю самоотверженныхъ порывовъ и благородныхъ стремленій.

Въ такія эпохи, когда самодовольная посредственность убиваетъ мысль и преслѣдуетъ всякаго, не преклоняющагося передъ авторитетами, когда убогая нравственность и скудная добродѣтель людей золотой середины становится закономъ, когда вездѣ царитъ низость и пошлость—революція становится необходимостью.

Лучшіе люди всѣхъ слоевъ общества призываютъ бурю, чтобы она своимъ огненнымъ дыханіемъ очистила міръ отъ чумы, заразившей его унылостью, ржавчиною, поѣдающую насъ, увлекла въ своемъ бурномъ порывѣ жалкіе остатки прошлаго, лишающіе насъ воздуха и свѣта, и принесла всему человѣчеству новый потокъ молодости, честности и благородства.

Въ такія эпохи забываютъ о насущномъ хлѣбѣ, и люди, уставшіе отъ неподвижности и тупости окружающаго, задыхающіеся въ смрадномъ болотѣ жизни, всѣми силами стремятся къ свѣту, къ прогрессу, къ обновленной, полной мысли и силы, жизни. Исторія въ своемъ прошломъ даетъ намъ яркій примѣръ подобной эпохи: паденіе Римской имперіи. Человѣчество переживаетъ сейчасъ такую же фазу глубокаго перерожденія.

Если революція необходима при современномъ экономическомъ и политическомъ строѣ, то она является прямо-таки необходимостью для полной переоцѣнки всѣхъ нашихъ нравственныхъ устоевъ.

Ни одна форма общежитія невозможна безъ нравственныхъ связей и извѣстныхъ обязательствъ, налагаемыхъ членами общества другъ на друга и переходящихъ постепенно въ привычку. Во всѣхъ организаціяхъ встречаемъ мы эти нравственныя связи, эти социальныя привычки. Особенно развиты онѣ у первобытныхъ народовъ, этихъ живыхъ памятниковъ того, чѣмъ было человѣчество на зарѣ его жизни.

Но неравномерное распредѣленіе богатствъ, неравные условія, эксплуатація человека человекомъ, господство нѣсколькихъ избранныхъ надъ массами, подточили и разрушили съ теченіемъ времени эти основы

первобытной жизни народовъ. Промышленность, основанная на эксплоатации, торговля, держащаяся обманомъ, господство привилегированныхъ, именующихъ себя «правительствомъ», не могутъ существовать рядомъ съ принципами всеобщаго равенства и единенія, признаваемыми еще племенами, отброшенными на задворки такъ называемыхъ цивилизованныхъ государствъ. Какая можетъ быть рѣчь о солидарности между капиталистомъ и эксплоатируемымъ имъ рабочимъ? между командующимъ арміей и солдатомъ? правителемъ и подвластнымъ ему подданнымъ?

Первобытная мораль, основанная на отождествленіи каждаго индивидуума со всѣми ему подобными, уступила мѣсто лицемѣрной морали религіи, которая старается софизмами оправдать эксплоатацию и рабство и для виду порицать лишь самыя дикія и жестокія проявленія господствующей власти. Религія освободила человека отъ его нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ и взамѣстъ этого внушила ему поклоненіе невидимой абстракціи—Высшему Существо. расположеніе котораго можно купить, хорошо заплатить его такъ называемымъ служителямъ.

Однако, отношенія, установившіяся въ наше время между отдельными личностями, группами, націями, континентами, налагаютъ на человечество новыя нравственныя обязательства. По мѣрѣ того, какъ исчезаютъ религіозныя вѣрованія, человекъ начинаетъ сознавать необходимость нѣкоторыхъ обязанностей по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится входить въ сношенія. Онъ понимаетъ, что его личное счастье всецѣло зависитъ отъ счастья всего человечества. Отрицательные принципы религіозной морали: «Не воруй, не убій», уступаютъ мѣсто болѣе жизненнымъ положительнымъ принципамъ человеческой морали. Повелѣнія Бога, котораго можно всегда ослушаться, умноживъ его предварительно приношеніями, замѣняются теперь требованіями равенства и солидарности, гласящими: «Если ты хочешь быть счастливымъ, дѣлай всѣмъ и каждому только то, что ты хотѣлъ-бы, чтобы тебѣ дѣлали». И этотъ простой положительный принципъ, ни имѣющій ничего общаго съ предписаніями религіи, открываетъ сразу человечеству обширное поприще для самоусовершенствованія.

Необходимость измѣнить наши взаимныя отношенія соответственно этому принципу, заставляетъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Но ничто не можетъ быть и не будетъ достигнуто въ этомъ направленіи, пока эксплоатация, господство, лицемѣріе и софизмы останутся основой нашей социальной организаціи.

Тысячи примѣровъ могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого. Но мы здѣсь ограничимся лишь однимъ,—самымъ ужаснымъ,—примѣромъ нашихъ дѣтей. Что дѣлаемъ мы изъ нихъ въ современномъ обществѣ?

Уваженіе къ дѣтству, любовь къ ребенку—лучшія качества, выработанныя человечествомъ на всемъ его тяжеломъ пути отъ первобытнаго состоянія къ современному. Сколько разъ приходилось видѣть самаго закоренѣлаго преступника обезоруженнымъ улыбкой ребенка! Въ наше время это уваженіе исчезаетъ; ребенокъ сталъ у насъ рабо-

чимъ скотомъ или же, въ лучшемъ случаѣ, игрушкой для удовлетворенія страстей.

Мы видѣли недавно, какъ буржуазія истребляетъ нашихъ дѣтей, заставляя ихъ работать на заводахъ и фабрикахъ *). Тамъ ихъ убиваютъ физически. Развращенное же до мозга костей общество убиваетъ ихъ и нравственно.

Оно свело образованіе къ безмысленному заучиванію, которое, конечно, не можетъ дать пищи возвышеннымъ стремленіямъ и жаждѣ идеала, проявляющимся въ извѣстномъ возрастѣ у большей части нашихъ дѣтей. Оно, напротивъ, всѣми силами старается забить всякую талантливую, независимую и гордую натуру. Дѣти, болѣе или менѣе сознательныя, начинаютъ ненавидѣть школу, озлобляются и на всю жизнь замыкаются въ себя или съ отчаяніемъ бросаются искать какого бы то ни было выхода своимъ страстямъ и стремленіямъ. Они жадно накидываются на романы, стараясь найти въ нихъ поэзію, которой не дала имъ жизнь; они зарываются въ эту грязную, рыночную литературу, сфабрикованную для буржуазіи по пятку за строчку и, начитавшись, подобно молодому Леметру, вонзаетъ ножъ въ горло какому-нибудь ребенку, чтобы стать знаменитымъ преступникомъ. Другіе со страстью предаются гнуснымъ порокамъ, и только тѣ дѣти, у которыхъ нѣтъ ни порывовъ, ни страстей, ни стремленій къ независимости и самостоятельности, благополучно достигаютъ конца. Они снабдятъ общество достаточнымъ контингентомъ хорошихъ буржуа, съ ихъ скудной нравственностью и убогой добродѣтелью. Это люди, которые, конечно, не станутъ таскать платковъ изъ кармановъ проходящихъ, но тѣмъ не менѣе будутъ съ спокойной совѣстью, «честно» обворовывать своихъ клиентов. Они не предадутся сильной, безразсудной страсти, но будутъ исподтипка бѣгать къ своимъ любовницамъ, чтобы развлечься и отдохнуть отъ однообразія семейнаго очага. Они всецѣло втиснутся въ засасывающее болото пошлости и будутъ вопить, какъ только кто-нибудь захочетъ дотронуться до плѣсени, покрывающей ихъ.

Вотъ, что даетъ буржуазія своимъ сыновьямъ. Что же касается дочерей, она развращаетъ ихъ съ ранняго дѣтства. Нелѣзное чтеніе, разодѣтые куклы, роскошные наряды, паццательный примѣръ матери, бесѣды въ будуарахъ, — все способствуетъ тому, чтобы сдѣлать изъ ребенка женщину, которая продастъ себя тому, кто дастъ за нее большую цѣну. Ребенкомъ еще она распространяетъ вокругъ себя заразу:

*) Эти строки были написаны по поводу доклада Эммы Броунъ о дѣтскомъ трудѣ въ мануфактурахъ Массачусетса. Ей пришлось посѣтить большую часть мануфактуръ государства и констатировать, что нигдѣ не исполнялись законы, нормирующие трудъ дѣтей. На каждой фабрикѣ она видѣла массу дѣтей—несчастныхъ, истощенныхъ созданій, съ затѣками всевозможныхъ болѣзней: малокровія, физическаго уродства, чахотки и т. п. Почти половину (сорокъ четыре на сто) рабочихъ въ Массачусетѣ составляютъ дѣти моложе пятнадцати лѣтъ. Да и понятно. Работая по двѣнадцати часамъ въ сутки, они получаютъ лишь 24% платы взрослыхъ рабочихъ.

Мы знаемъ, что, несмотря на такъ называемые охранительные законы, для дѣтей всѣ фабрики и заводы, вплоть до каменноугольныхъ копей Европы кипятъ дѣтьми, которыя работаютъ по двѣнадцати часамъ въ сутки.

дѣти рабочихъ съ завистью смотрятъ на эту дѣвочку въ роскошномъ платьѣ, съ изящной поступью, съ манерами куртизанки въ двѣнадцать лѣтъ. Если же мать добродѣтельна, насколько могутъ быть добродѣтельны буржуа — тогда еще хуже. Дѣвочка рано пойметъ цѣну двучленной морали, гласящей: «Люби ближняго, но грабь его, когда можешь! Будь добродѣтельна, но до извѣстной степени, и т. п.»; она задохнется въ этой атмосферѣ нравственности à la Тартюфъ и, не найдя въ жизни ничего прекраснаго, захватывающаго и цѣннаго, бросится въ объятія первому встрѣчному, лишь бы онъ могъ удовлетворить ея потребностямъ роскоши.

Взгляните какъ слѣдуетъ въ эти явленія, вдумайтесь поглубже въ ихъ причины, и вы убѣдитесь въ необходимости бурной революціи, которая очиститъ современное общество и вырветъ съ корнемъ то зло, которое съѣдаетъ человѣчество и служитъ источникомъ заразы.

Пока среди насъ есть паразиты, живущіе нашимъ трудомъ подъ предлогомъ управлять нами, эти паразиты будутъ очагомъ чумы и разврата для общественной нравственности. Праздные люди всю жизнь ищутъ безсмысленныхъ развлеченій; чувство солидарности убито въ нихъ самыми основами ихъ существованія; преступный эгоизмъ развивается самой ихъ жизнью; такіе люди всегда склонны къ самой грубой чувственности: они унижаютъ и оскверняютъ все, къ чему прикасаются. Своимъ золотомъ и животными инстинктами они развращаютъ женщину и дѣтей; они развращаютъ искусство, театръ, прессу; они готовы продать свою родину, продать ея защитниковъ и, слишкомъ трусливые, чтобы сами убивать, они, не колеблясь, заставляютъ убить лучшихъ представителей родной страны, если только что-либо будетъ угрожать ихъ богатству — единственному источнику ихъ радости.

Чума у нашихъ очаговъ; надо уничтожить источникъ заразы и, если даже придется дѣйствовать огнемъ и мечемъ, — мы не должны останавливаться: дѣло идетъ о спасеніи всего человѣчества.

Грядущая Революція.

Въ предыдущихъ главахъ мы пришли къ заключенію, что Европа катится по наклонной плоскости къ революціи.

Изслѣдуя способы производства и обмена, установленные буржуазіей, мы замѣчаемъ, что гангрена охватила весь современный строй жизни.

Мы видимъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было научныхъ и гуманитарныхъ основъ, безумное расточеніе общественнаго капитала, жажду наживы, дошедшую до полнаго пренебреженія всякими законами общественности, непрерывныя промышленныя войны и педообразимый хаосъ. Мы съ восторгомъ приветствуемъ приближеніе дня, когда крикъ: *долой буржуазію!* вырвется изъ всѣхъ устъ съ тѣмъ едиனுшіемъ, съ которымъ провозглашалось нѣкогда паденіе династій.

Изучая развитіе государствъ, роль ихъ въ исторіи и разложеніе, охватывающее ихъ, мы видимъ, что современный способъ группировки заканчиваетъ свое существованіе; онъ совершилъ все, на что былъ способенъ, и теперь рушится подъ своей собственной тяжестью, чтобы уступить мѣсто новымъ организаціямъ, основаннымъ на новыхъ принципахъ, соответствующихъ современнымъ стремленіямъ человѣчества.

Стоитъ только прослѣдить за возникновеніемъ идей въ современномъ обществѣ, чтобы понять, съ какимъ рвеніемъ человѣческая мысль работаетъ сейчасъ надъ полной переоцѣнкой цѣнностей, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, и надъ выработкой новыхъ философскихъ и научныхъ системъ, предназначенныхъ стать основами грядущихъ человѣческихъ организацій. Не только реформаторы изъ народа, изнуренные непосильнымъ трудомъ и нестерпимой нуждой, мечтающіе о лучшемъ будущемъ, возстаютъ сейчасъ противъ современныхъ учрежденій. Ученые, воспитанные на старыхъ предразсудкахъ, стараются отряхнуть съ себя пыль ветхости, прислушиваются къ броженію мысли въ народѣ и становятся выразителями и провозвѣстниками новыхъ идей. «Всеразвѣдающій ядъ критики подрываетъ завѣщанныя намъ непереложныя истины; философія, естественныя науки, этика, исторія, искусство, все гибнетъ въ этой разрушительной работѣ, ничему пѣтъ пощады!» — восклицаютъ возмущенные консерваторы. Да, ничему и не будетъ пощады, даже самымъ основамъ нашего социальнаго строя — частной собственности и власти. Всѣ работаютъ сейчасъ надъ ихъ разрушеніемъ, — всѣ, отъ негра мастерской до работниковъ мысли, отъ заинтересованныхъ въ реорганизаціи современнаго строя до тѣхъ, которые содрогнутся при видѣ своихъ же мыслей, осуществленныхъ на практикѣ, отряхнувшихъ съ себя пыль библиотекъ, воплощенныхъ самой жизнью.

Полное разложеніе и распаденіе современнаго строя и всеобщее недовольство; выработка новыхъ формъ жизни и жажда какой бы то ни было перемѣны, юношескій порывъ критики въ области науки, философіи, этики и броженіе общественной мысли; возмутительное равнодушіе или преступное сопротивленіе новымъ теченіямъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть...

Вотъ каково было всегда состояніе общества накануне великихъ революцій. Таково оно и сейчасъ; и это не безумная фантазія возбужденнаго воображенія группы недовольныхъ; самое спокойное научное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ этомъ. Даже тѣ, которые для оправданія своей преступной индифферентности говорятъ: «Будьте спокойны, опасность не дошла еще до нашихъ жилищъ», признаютъ, что положеніе все ухудшается и что они не знаютъ, куда мы идемъ. Однако, облегчивъ себя этимъ признаніемъ, они снова впадаютъ въ свое обычное состояніе — прозябаніе безъ мысли.

«Намъ столько разъ предсказывали эту революцію», вздыхаетъ пессимистъ; «былъ моментъ, когда я самъ повѣрилъ въ ея наступленіе, а между тѣмъ ея все нѣтъ!»

Она придетъ и тѣмъ позже, тѣмъ она будетъ плодотворнѣе. «Два раза, въ 1754 и въ 1771 году готова была вспыхнуть революція»,